

Чтобы сказать нашему театру заздравную речь, достаточно взглянуть на афишу. Смотрите, как бодро открывается сезон. Позади лето почти без гастролей. Сегодня — бюджетный голод, и не видно конца этой принудительной работе. Честно говоря, особой надежды и нет на то, что в обозримом будущем мы сядем за «обильный стол». И тем не менее — театр жив, полон упований и надежд. Подтверждение тому — ряд интересных премьер прошлого сезона, несколько успешных фестивалей. Взять хотя бы вологодские «Голоса истории» — хотелось бы видеть его в будущем неким собственным театральным «Авиноном». Но вернемся к реалиям сегодняшнего дня.

Театр наш ныне похож на крошечный хрупкий матрешкин. Вокруг стоит треск, идет сокрушительная ломка городских образований, а театр все еще по старинке живет в условиях государственных дотаций. Надо ли объяснять, что они все меньше, а положение все тревожней. Но куда деваться? К слову сказать, нигде и никогда театр не кормил и не кормит сам себя. Это дело не прибыльное. Вот и бросаются наши театры во все тяжкие: ищут спонсоров, сдают помещения, крутятся, вертятся, и конца этому не предвидится.

При этом, в крупных промышленных городах, таких как, например, Челябинск или Екатеринбург, труппы существуют более или менее достойно — город кормит. В Москве же сложилась поистине парадоксальная ситуация. Здесь — градация. Есть театры, получившие статус национального достояния — у них особая дотация (Большой, Малый). Есть театры федерального подчинения — их финансирует республиканское министерство культуры (оба МХАТа, имени Евг. Вахтангова, Санкт-Петербургский имени Г. А. Товстоногова и др.). Есть — областного и городского подчинения (Ленком, имени Моссовета...). Так вот, городские сегодня живут лучше, чем федеральные. И не исходя из тех сумм, которые прописаны на бумаге. А в соответствии с толщиной кошельков. Бюджеты городов богаче министерских — у последних карманы совсем тощие.

Повторяю, — приходится пускаться во все тяжкие. Между тем в творческой стороне дела наметилась явная тенденция. И притом — очень обнадеживающая. Как это ни удивительно, пришло, кажется, время подлинной профессии. Еще года два назад, когда все мы были брошены в бурное море свободы и рынка, театры бросились ставить все, что может оглушить, шокировать, завлечь и заманить. На сценах воцарилась политическая «клубничка». Но очень быстро стало понятно, что на ней далеко не уедешь. Зритель моментально привык. «Клубничка» повседневной жизни стремительно обогнала все наши сценические упражнения на эти темы. Народ уже ничем ни шокировать, ни запугать невозможно. И вот тогда пришла необходимость возвращаться в лоно профессии. Всерьез вспомнили о классике, о том, что не подвержено переменчивым социальным ветрам. Пришлось вспомнить, что исконно российский театр — это университет, тол-

кователь жизни, если хотите, поводирь, может быть, даже проприетарь. Все что угодно, только не крикливый плакат на злобу дня.

Но ох как трудно оказалось это возвращение. Вот когда всерьез дали о себе знать и прошлые, и позапрошлые грехи. В давние теперь уже времена (хотя, какие уж там давние — и десятка лет не наберется!) театр грешил декларативностью, вынужденный подхватывать очередные идеи, лозунги, решения партии и правительства. Мы много кричали со сцены «ура» — и проходило все это в чисто декларативной, непсихологической форме. Воспитаны целые плеяды артистов, умеющих только громогласно восклицать и митинговать. Или

личные театры. Искусы, овладевшие ныне, подобно душе Святого Антония, душой столичной знаменитости, влекут наших замечательных актеров во все стороны. И он, бедняга, не в силах отказать от этих грехоподобных — слишком сладки. Кино, которое никто не видит, но о котором все знают, что там платят бешеные деньги... Концерты... Злосчастные поездки за границу...

Все это прекрасно. И все это ужасно. Прекрасно, что люди наконец-то раздвинули тесные рамки, могут показать себя, заработать. Но и беда — из-за этого трещит по швам вся структура старого репертуарного театра, где люди работают от рождения до смерти. Не отпустить актера на заманчивое предло-

бе позволить ее уничтожить? Обо всем этом мы будем серьезно разговаривать на очередном пленуме Союза театральных деятелей, который состоится 25 октября. Пойдет речь и о дальнейшем существовании самого союза. Сто двадцать лет он существовал как общество помощи бедствующим актерам. Таким и остался по сей день. Единственный, кажется, из творческих союзов, который продолжает и поныне помогать своим членам держаться в этой жизни на плаву. Благодаря тому, что имеем фабрички театральных принадлежностей, некоторые накопления, большую недвижимость. Благодаря тому, что все это не прокутили, не пустили по ветру, мы еще как-то существуем. Даже ввели в

Михаил Ульянов: *Культура. — 1993. — 18 сент. — С. 2.*

ТЕАТР ЖИЛ!

ТЕАТР ЖИВ!

ТЕАТР БУДЕТ ЖИТЬ!

же, наоборот — шептать, «самовыражаться». Помните шутивное определение «шепталый реализм»?

И то, и другое привело нас в результате к сложной ситуации. Постепенно исчезало, утекало ценнейшее вещество — мастерство школы психологического театра. Расскажу курьезный случай. Жизнь моя многотрудная, времени на отключение почти не остается. И вот еду как-то в машине, включаю радио и слышу чье-то виртуозное чтение.

«Господи! — подумал я. — Какое наслаждение его слушать. Кто же это?». Между тем голос диктора сообщает: читал... Анатолий Папанов. Вот так раз! А я его не узнал. Но это и к лучшему. Если бы я сразу знал, кто это, то сработала бы сама магия имени, и даже менее удачное исполнение показалось бы хорошим. Но я не знал — и был восхищен. А следовательно, вот вам доказательство, что мастерство и профессионализм — вещи не занимаемые, на один спектакль «напрокат» такое не возьмешь.

Так вот, мне кажется, именно сейчас, постепенно, конечно, не враз, но начинается вырастать уровень театрального мастерства. Пусть — не от хорошей жизни. «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Но со всех других сторон — театр наш бьет, как в лихорадке. И сегодня, по моим наблюдениям, более творчески, собранно, артистично работают периферийные коллективы. Конечно, те, во главе которых стоят крупные художники, такие, например, как Наум Орлов, Владимир Пахомов, Борис Голубицкий, Юрий Копылов, Александр Дзекун. Самое важное в этих театрах — сосредоточенность. Ведь прекрасное не терпит суеты. Той самой суеты, в которой погрязли сто-

ление — нельзя, а отпустишь (как правило, это ведь лучшие силы) — и все рушится. Начинаются замены спектаклей, вводы, переносы... Сегодня почти ни в одном столичном театре невозможно поставить массовый спектакль — нет «кворума».

Еще одна беда. Все толкуют о «школах» — мхатовской, вахтанговской, Малого театра. Но стоит пригласить представителя одной из этих школ в театр противоположных традиций, как тот с радостью бежит. А потом еще упрекает родной театр, что там-де ему не дали такой хорошей роли.

Я лично, несчастный художник Вахтанговского театра, в таких случаях пытаюсь растолковать: вас десять человек, вы в один сезон получили десять главных ролей. В одном театре это сделать невозможно в течение трех лет! Вот такие тяжкие противоречия между новыми условиями жизни и старой театральной системой. Слов нет, наши труппы недопустимо велики. В театре не могут полноценно работать 90 человек. Максимум — 30, и, конечно, надо параллельно вводить контрактную систему.

Очень тяжелое время — надо уметь под него подстраиваться и в то же время ухитриться не ломать старое, наработанное. Ломка, убежден, приведет к катастрофическим последствиям. Ведь мы сегодня попросту вышли на улицы, где сверкают ножи и гремят выстрелы. Нет законов, нет правовой профессиональной защищенности. В этих условиях очень трудно сохранить стационарную природу нашего театра. Но надо — ведь разрушить очень легко, а создать потом будет невозможно. Между тем, каждый крупный российский стационар несет в себе генную систему отечественного театра. Разве мы можем се-

строй поликлинику и Дом ветеранов сцены. Платим пенсии, но, величина их, конечно же, не удовлетворяет. Как же дальше жить?

Цель по-прежнему ясна — союз, как хорошая жена, должен создавать условия для творчества. Я лично не знаю, каким будет наш союз завтра. Убежден лишь в одном — надо постараться не ломать его, сохранить наработанное и нами, и нашими «отцами», и «дедами». А жизнь сама подскажет ходы, и изменения, безусловно, будут. Но изменения, а не революция, от которой ничего хорошего не жди.

Не скрою, то одно, то другое отделение СТД впадает в раж — отпочковаться. Ох уж эта эпидемия самостоятельности — прямо чума, холера... То вдруг Москва решила «убежать», то теперь — Санкт-Петербург. Наиболее разумную позицию в этом вопросе занимают наши республиканские отделения — Татарское, Башкирское. Там понимают, что искусственная самоизоляция ничего, кроме вреда, не принесет.

Одним словом — трудно театру, что и говорить! Но силы есть, есть и потенциальные возможности, и традиции. Однако государство должно понять, что если помощи не будет, то все эти «есть» в конце концов превратятся в «были». И тогда — кричи караул. Ибо при всей важности экономики и политики потерять свой театр — значит превратить страну в скотный двор. И так уж по улицам ходят полулюди с единственной, звериной энергией потребления — все равно чего: денег, пищи, женщин... Так что шутки в сторону! Сегодня театр жив, и это прекрасно. Но жив ли будет? Вот в чем вопрос.

Записала
Н. КАМИНСКАЯ.